

МИР СРЕДИЗЕМЬЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ КОНЦЕПЦИИ «ПОЛИТИЧЕСКОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО»

О.Ф. Оришева

кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка

Познание – универсальный и многоликий феномен. Познает не только ученый в рамках строго организованной процедуры исследования, но и рядовой обыватель, для которого поиск закономерностей и фактов связан с необходимостью ориентироваться в повседневной жизни. В качестве особых форм познания принято рассматривать религиозный и художественный опыт. Когда речь идет об искусстве как форме познавательной активности, акцент, как правило, делается на постижении «человеческой природы»: в частности европейский роман можно позиционировать как исследование и описание исторически изменчивых структур субъективности.¹ В рамках данной статьи центр тяжести переносится на другой момент – литературное произведение рассматривается как специфическое исследование социальной реальности, которое, не будучи подчинено жестким правилам научного поиска, обладает определенными преимуществами по сравнению, скажем, с социологическим исследованием, создавая целостный, синтетический «срез эпохи».

В данной статье я ставила перед собой задачу на примере саги Дж. Р. Толкиена «Властелин колец» конкретизировать два основных тезиса. Во-первых, уже прозвучавший выше тезис о познавательной функции произведения искусства. Во-вторых, куда более сильный и спорный тезис, принадлежащий известному философу и литературному критику марксистской ориентации Фредерику Джемисону, по мнению которого, произведение искусства представляет собой социально-символический *акт* [2].

То, что европейский роман является богатым источником информации о социальной реальности, представляется более-менее очевидным. Если взять классический пример, – романы Л. Толстого – то, не вызывает сомнений, что «Война и мир» содержит ценные сведения о составе, умонастроениях и нравах элиты русского общества первой четверти XIX в. На первых же страницах «Анны Карениной» мы находим не только тонкий анализ психологии героев произведения, но и сведения о социальных реалиях времени их жизни. В начале первой главы в комнату Стивы Облонского входят камердинер с цирюльником,

¹ По мнению М. Кундеры европейский роман как особый жанр не только преимущественно ориентирован на вопросы индивидуальности, личности человека, но, в свою очередь, способствует закреплению в культуре определенных типов идентичности [1].

и их появление дает возможность не только познакомиться с нюансами утреннего туалета человека из высшего сословия, но и составить представление о самом характере социальной иерархии; когда Облонский садится читать «еще сырую утреннюю газету» либерального направления, мы узнаем о противостоянии тогдашних русских либералов и консерваторов и т. д., и т. п. [3]

Связь текста с обществом, в контексте которого он создавался, достаточно очевидна в случае, если речь идет о произведении искусства, которое можно отнести к жанру реализма², но существует ли такого рода связь в случае *фэнтези*, когда претензия на отражение фактов социального мира отсутствует в принципе? Можно ли считать, что вымышленный мир, создаваемый в рамках фэнтези, является всецело автономным, и свидетельствует только за себя? Является ли таковым мир Средиземья, столь скупуплезно отстроенный в легендарии Толкиена?

Ответ будет однозначно отрицательным, если мы стоим на позициях социологизма. Как выражает этот момент Джон Молинье: «Очень легко вообразить футуристическую технологию – межгалактические космические корабли, «звёзды смерти», телепортаторы и т. п. – и относительно легко вообразить странные нереальные существа – орков, энтов, людей-насекомых, кактусов-гуманоидов и т. д. – но почти невозможно изобрести несуществующие общественные отношения...» [4]. Другими словами, самая смелая фантазия имеет жесткие структурные ограничения, связанные с неустранимым присутствием социокультурного контекста, в рамках которого она разворачивается.

Одно из наиболее последовательных обоснований данной позиции мы можем обнаружить в книге Ф. Джемисона «Политическое бессознательное», в которой автор отстаивает приоритет марксистского подхода к анализу памятников культуры. Для Джемисона политическая перспектива, предлагаемая марксизмом, – это не просто «еще один метод наряду с другими»³, «но абсолютный горизонт всякого чтения и всякой интерпретации» [2, р. 17]. Уверенность Джемисона базируется на допущении, что социально-политическое измерение является последней, предельной рамкой человеческого существования, которая определяет различные формы опыта, будь-то

² Пожалуй, самым ярким примером в данном случае является многотомный (137 книг) цикл произведений Оноре де Бальзака «Человеческая комедия», ставший своего рода энциклопедией жизни французского общества в период от Реставрации Бурбонов до установления Второй Республики.

³ В частности, Джемисон сопоставляет марксистский анализ с классическим филологическим (формальным) подходом, этической критикой, мифопоэтическим, психоаналитическим и структуралистскими стратегиями интерпретации произведений искусства.

религиозный экстаз, художественные прозрения, научный поиск или сфера морального долженствования. Проще говоря, включенность каждого первого человека в социально-политический порядок является непреложным фактом, другое дело, что эта включенность не может быть в полной мере схвачена индивидуальным сознанием, отрефлексирована, что и позволяет говорить о «политическом бессознательном». Ни в каком «монастыре духа» нельзя запереться, чтобы спрятаться от противоречий эпохи, и автор не является здесь исключением.

С инструментальной точки зрения, концепт политического бессознательного предполагает, что в любой текст, культурный артефакт обладает глубинным политическим измерением, что мы всегда можем обнаружить в тексте пласт социально-политических значений, и этот пласт, не будучи единственным, является базовым и самым важным. Для адекватного понимания сути концепции Джемисона важными также являются три следующих момента: 1) речь не идет о простом, зеркальном отражении в тексте социально-политических противоречий определенного периода, однако 2) эти противоречия обязательно заявляют о себе – не столько на уровне содержания, сколько на уровне структуры и формальных особенностей текста; кроме того 3) текст не только «вбирает» в себя противоречия, но и является ответом на них, содержит попытку их *снять, разрешить*, естественно, сугубо на эстетическом уровне и эстетическими средствами.⁴

Если мы принимаем тезис о неизбежной и во многом неосознаваемой включенности автора в контекст эпохи, то сознательно декларируемая позиция по отношению к этому контексту, в частности, политические предпочтения писателя оказываются не столь существенными для интерпретации его творений.

Как известно, сам Толкиен настойчиво отрицал связь своего легендариума с историческими реалиями. Так, в предисловии к «Властелину колец», он подчеркивает, что книга не содержит никакого специального «послания», никаких скрытых аллегорий. В частности, желая уйти от сопоставления разоренного Саруманом Шира с ситуацией послевоенной Англии, он указывает, что эпизод задумывался и разрабатывался «безотносительно любых современных политических событий» [5]. Однако трудно отрицать, что книга оказывается удивительно созвучной атмосфере двадцатого века, хотя бы потому, что во «Властелине колец» описывается война в масштабах континента, угрожающая существованию целых народов и

⁴ В этом смысле, согласно Джемисону, произведение искусства всегда оказывается в определенной мере реакционным, идеологичным, так как, сглаживая в своем воображаемом пространстве реальные социальные противоречия, оно легитимирует сложившиеся властные отношения [2, р. 299]. Именно поэтому текст имеет смысл рассматривать как некое *действие*, социально-символический *акт*.

культур. Как подчеркивает Б. Роузбери, «работа Толкиена современна ... не потому, что в ней содержатся скрытые отсылки к тем или иным событиям или явлениям современности, но благодаря тому, что выдуманный мир Средиземья вобрал в себя – и это без сомнений случилось отчасти бессознательно – опыт и настроения самого Толкиена, как человека двадцатого столетия... Подспудное ощущение апокалиптического ужаса знакомо всякому человеку, живущему в ядерный век, хотя соответствующий биографический эпизод имел место задолго до Хиросимы: почти наверняка можно утверждать, что он относится с 1914-1915 годам, когда Толкиен, как и миллионы других молодых людей, узнал, что ему предстоит отправиться на войну. Последующий общемировой кризис 1930-1940-ых мог только усилить это ощущение грядущей всемирной катастрофы» [6, р. 93].

Однако «Властелина колец» можно рассматривать не только как эстетическое преломление опыта человека XX (прошедшего «конфирмацию» на фронтах Первой мировой). «Политическое бессознательное» Толкиена охватывает гораздо более обширный период, так как картина Средиземья несомненно содержит отсылки к докапиталистическому прошлому Европы и выражает отношение Толкиена к индустриализации.

В данном контексте весьма интересным и информативным может оказаться анализ социально-экономических отношений Средиземья, прекрасный образец которого мы находим в статье Джона Молинье «Мир Толкиена: марксистский анализ» [4]. Как указывает Молинье, эти отношения легко узнаваемы и соответствуют феодальному типу общества. В мире Средиземья господствует аграрный уклад, технологии примитивны, еще не изобретено огнестрельное оружие, все связанное с взрывами, например, фейерверки возможно только благодаря магии [4].

На фоне общей архаики Средиземья, Шир выглядит гораздо более современным, что придает антимодернизму Толкина избирательный характер. Обитатели Ши́ра пользуются многими благами современной цивилизации. Так, хоббиты разводят и курят табак, который в Европе получает распространение к середине XVI-го века, причем Бильбо прикуривает спичками (серные спички вошли в обиход в 1827 году). В Шире живут по точному времени благодаря часам, что в условиях аграрной культуры является ненужной роскошью. Что касается дома Фродо, то он «фактически во всем, не считая расположения под землей (и отсутствия слуг), являет собой дом представителя викторианского высшего среднего класса времен XIX-го века ... с его кабинетами, гостинными, кладовками, буфетными, гардеробными и всем прочим»⁵ [7, р. 5].

⁵ В книге «Хоббит, или туда и обратно», Бильбо, оказавшись перед перспективой стать участником опасного путешествия, издает крик «пронзительный, точно свисток паровоза, вылетевшего из туннеля» [8, с. 19]. Как указывает Том Шипли, человек, прочитавший только первые страницы книги,

Не считая этих вкраплений современности, мир Средиземья напоминает Европу до индустриализации, причем силы индустриализма ассоциируются с наползающей на мирный быт землелашцев тенью Мордора. Все, что связано с технологиями сложнее плуга и водяной мельницы, обрисовано в книге абстрактно, но в самых темных тонах. Что-то странное и страшное происходит в Изенгарде, где Саруман превращает леса в топливо для своих адовых печей, массово производит оружие, а также какие-то жуткие генетико-магические эксперименты, в результате которых возникает новая порода орков. Возвращаясь в домой после окончания войны, хоббиты обнаруживают, что луга и пашни Шира приобрели черты индустриального ландшафта: деревья повyrублены, на разоренной земле выросли уродливые кирпичные строения и обмазанные дегтем сараи. Мельница Теда Песошкинса превращена пособниками Сарумана в подобие мануфактуры, на которой неизвестно что производится, но река загажена, а в небо устремлена дымящая труба.⁶

В определенном смысле символом сатанинской сущности индустрии является само кольцо всевластья – плод высочайших магических технологий Средиземья. Символика кольца словно намекает на то, насколько опасным и потенциально саморазрушительным является превращение силы духа во внешнюю силу, заключенную в материальном предмете [10, р. 23]. И лишь простачи вроде Боромира могут верить, что кольцо можно использовать как нейтральный инструмент, не подпав под его злые чары.

Первобытный ужас перед мордорской тьмой получает дополнительную социально-историческую привязку, если сопоставить книгу Толкиена с другим текстом, а именно – 24-ой главой первого тома «Капитала» К. Маркса. В ней дается исторический очерк становления капитализма в Англии, в котором этот процесс предстает как настоящая гуманитарная катастрофа: тысячи людей, насильственно согнанных с земли, утрачивают свое место в обществе, и большинство из них теряет всякие возможности для продолжения достойной жизни.

может подумать, что дело происходит не раньше XIX-го века: первый пассажирский поезд был пущен в Англии в 1825 году, а первый туннель появился пятью годами позже. Во время первого разговора с Гэндальфом Бильбо привычным жестом достает утреннюю почту из ящика, как если бы он жил в Англии после 1837 года, когда была создана почтовая служба [7, р. 5-6].

⁶ Глава «Снова дома» полна печальных описаний того, что сотворил с родиной хоббитов Саруман после своего изгнания из Изенгарда. «Путники пустили пони рысью, и на закате были уже на окраине Уводья. До дома – рукой подать. Здесь тоже оказалось много перемен. Часть домов снесена, некоторые сожжены даже, аккуратные ряды хоббичьих норок на северных склонах Заводи были опустошены, а славные маленькие садики, спускавшиеся к самой кромке воды, совсем задушили сорняки. Вдоль дороги, ведущей в Хоббитон, выросли уродливые дома. От чудесной Подъездной аллеи не осталось и следа. С тревогой посмотрев в сторону Засумок, они увидели высокую кирпичную трубу; из нее в вечернее небо валил гнусный черный дым» [9, с. 973-974].

Маркс, ни в коей мере не будучи поборником возврата к домодерному укладу, тем не менее, характеризует излет Средневековья как идиллический момент хрупкого социально-экономического равновесия. В «Капитале» мы находим почти ностальгическое описание времен, когда Англия была аграрной страной, огромную часть населения которой составляли свободные мелкие землевладельцы, фригольдерные крестьяне, так называемые *йомены*.⁷ Как пишет Маркс: «В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Огромное большинство населения состояло тогда – и еще больше в XV веке – из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность» [11, с. 425].⁸

Для Маркса преобладание мелких вольных землевладельцев – не просто экономический факт, но также факт, связанный с определенным состоянием нравов, опытом свободы и достоинства. Не случайно, он, вслед за Френсисом Бэконом, подчеркивает связь между сильной пехотой, образовывавшей в те времена⁹ основу хорошей армии, и существованием большого класса лично свободных и экономически самостоятельных людей: тот, кто вырос в атмосфере нищеты и рабства, не может достойно выступить на поле боя (хотя бы потому, что ему особо нечего защищать) [11, с. 429].

В процессе капитализации английской экономики *йомены* как класс были практически полностью зачищены¹⁰, превратившись, как правило, либо в бесправных наемных сельскохозяйственных рабочих на крупных фермах, либо в пауперов, поставленных вне закона. Лишенные своего статуса крестьяне, массово стекавшиеся в города, становятся основой промышленного пролетариата, описанию ужасных условий жизни и труда которых, отводится немало места в «Капитале».

Как мне кажется, хоббиты удивительно похожи на *йоменов*, и тревога за существование страны полуросликов, которую генерирует текст Толкиена, резонирует с негодованием Маркса против алчности ленд-лордов, присвоивших общинные земли, и превратившие пашни, кормившие людей, в пастбища,

⁷ *Йомены*, *йоменри* – лично свободные мелкие землевладельцы в феодальной Англии, самостоятельно обрабатывающие землю.

⁸ Это обстоятельство Маркс объясняет следующим образом: «Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством вассально зависимых людей. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» [11, с. 426].

⁹ Имеется в виду эпоха царствования Генриха VII.

¹⁰ По словам Маркса, *йомены* окончательно исчезают приблизительно к 1750 году [11, с. 432]. Важнейшими событиями, инициировавшими трансформации английской экономики стали «огораживания» общинных земель и английская Реформация, повлекшая масштабное отчуждение владений католической церкви – крупнейшего феодала Англии того времени.

кормящие овец. Но если перо Маркса обращено против осязаемых действий представителей конкретных социальных групп, то перо Толкиена – против абстрактно понимаемых Машин.

Получается, что при ближайшем рассмотрении мир, создаваемый Толкиеном, едва ли является автономным пространством чистой фантазии и, по сути, воспроизводит характеристики реального мира с его историческими катастрофами. Однако в этом воспроизведении «теневые» стороны действительности тщательно затерты. Как, в частности, тонко подмечает Молинье, феодальный мир Средиземья – это идеализированное Средневековье, где отсутствуют такие малопривлекательные вещи как постоянный недород, голод, эпидемии и ужасающая бедность основной массы людей¹¹ [4]. Здесь нет крепостной зависимости, поборов и произвола феодалов.

Мир Средиземья, будучи иерархически организованным, оказывается миром без социальных противоречий и «классовой борьбы». В его пространстве власть не нуждается в идеологической легитимации и репрессивных аппаратах благодаря тому, что традиционная, передаваемая по наследству власть незыблема: в Средиземье абсолютно преобладает то, что в социологии называют *предписанным статусом* [4]. Так, именно Сэм и его отец находятся у услужения у Бильбо и Фродо, а не наоборот, и это обусловлено более высоким происхождением последних. Арагорн, как потомок Исилдура, имеет больше прав на престол Гондора нежели Денетор и его сыновья [4].

Кроме того, *status quo* упрочивается тем обстоятельством, что социальная иерархия в Средиземье одновременно является иерархией заслуг и добродетелей. Неравенство не вызывает ни тревоги, ни внешних нареканий, в силу того, что носители более высоких статусов, как правило, в большей мере наделены благородством и доблестью. Тот же Арагорн заслуживает королевского титула не только в силу родовитости, но и благодаря своим моральным качествам, объему ответственности, которую он в состоянии взять на себя, уровню сложности принимаемых им решений, не говоря о его трогательной и поистине рыцарской верности прекрасной даме.

По выражению Чайны Мьевеля, текст Толкиена реализует фантазию, в рамках которой «мораль абсолютна, а политические проблемы деликатно испарились» [12]. Действительно, в этом универсуме нет, и не может быть фигур наподобие Уота Тайлера или толпаддлских юнионистов [4], потому, что зло аккуратно изъято из сферы социальных отношений и вынесено в метафизическую плоскость, где темные силы с начала творения противостоят силам светлым.

¹¹ Молинье несколько преувеличивает, так как в прологе к «Властелину колец» упоминаются «Темная Чума» и «Долгая зима», однако на фоне общего благоденствия эти периоды воспринимаются как исключительные и давно ушедшие в прошлое.

В своей статье я, опираясь на концепцию Фредерика Джеймисона, постаралась показать, что легедариум Толкиена, несмотря на декларируемую автором позицию и свою жанровую принадлежность, сохраняет живую связь с социокультурным контекстом, захватывая не только период «короткого двадцатого века»¹², но и, шире, судьбы западной современной цивилизации. В этом смысле обвинения в эскапизме, которые часто предъявляют Толкиену и многим другим авторам, пишущим в жанре фэнтези, оказываются не вполне правомерными. Однако текст Толкиена не только вбирает в себя исторический контекст, но и преобразует его, вытесняя социально-политические противоречия в область противостояния надчеловеческого Добра и Зла. Таким образом, сага Толкиена действительно может быть рассмотрена как *социально-символический акт*, как, как жест, скрывающий катастрофизм истории. Европейская история, история Англии, «процеженная» через текст Толкиена оказывается историей, где благоденствуют славные йомены, но нет коттеров. В мире его повествования действуют средневековые законы чести и торжествует доблесть, но почти нет болезней и голода; технология и возможности, которые она предоставляет, избыточны, однако всего в избытке и изобилии; обитателям этого мира, как правило, так хорошо на своем месте, что неравенство никого не беспокоит.

¹² «Короткий двадцатый век» — термин, предложенный британским историком Эриком Хобсбаумом, который обозначал с его помощью период с 1914 по 1991 годы, включающий в себя наиболее драматичные события XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кундера, М. Нарушенные завещания / М. Кундера; пер. с фр. – Спб.: Азбука-классика, 2004. – 288 с.
2. Jameson, F. The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act / F. Jameson. – N.-Y.: Cornell Univ. Press, 1981. – 305 p.
3. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. – Точка доступа: http://royallib.com/read/tolstoy_lev/anna_karenina.html#20480 – Дата доступа: 03.01.2015.
4. Molyneux, J. Tolkien's World – a Marxist Analysis / J. Molyneux // J. Molyneux's blog [Электронный ресурс]. – Точка доступа: <http://johnmolyneux.blogspot.com/2011/09/tolkiens-world-marxist-analysis.html> – Дата доступа: 23.12.2014.
5. Tolkien, J. R. R. The Lord Of The Rings (Foreword) / J. R. R. Tolkien // [Электронный ресурс]. – Точка доступа: http://www.ae-lib.org.ua/texts-c/tolkien__the_lord_of_the_rings_1__en.htm#00 – Дата доступа: 23.12.2014.
6. Rosebury, B. Tolkien in the History of ideas / B. Rosebury // J. R. R. Tolkien / ed. by H. Bloom. – N.-Y.: Infobase Publishing, 2008. – P. 89-120.
7. Shippey, T. J. R. R. Tolkien: Author of the Century / T. Shippey. – N.-Y.: Houghton Mifflin, 2000. – 347p.
8. Толкин, Дж. Р. Р. Хоббит , или туда и обратно: Повести-сказки / Дж. Р. Р. Толкин; пер. с англ. – Минск: Вышэйшая школа, 1992. – 334 с.
9. Толкиен, Дж. Р. Р. Властелин колец / Дж. Р. Р. Толкин; пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. – Ленинград: Северо-Запад, 1991. – 1006 с.
10. Schick, T. The Cracks of Doom: The Threat of Emerging Technologies and Tolkien's Rings of Power / T. Schick // The Lord of Rings and Philosophy: One Book to Rule Them All / ed. by G. Bassham and E. Bromson. – Chicago: Open Court, 2003. – P. 21-32.
11. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2009. – Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. Гл. 13-25. – 528 с.
12. Mieville, C. Tolkien – Middle Earth Meets Middle England / C. Mieville // Socialist review [Электронный ресурс]. – Точка доступа: <http://socialistreview.org.uk/259/tolkien-middle-earth-meets-middle-england> – Дата доступа: 20.12.2014.